АВГУСТ 1928 г. № 31 ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ис. В. Козлинского

ПИЛСУДСКИЙ НА КУРОРТЕ

Назвав членов сейма проститутками, Пилсудский уехал на курорт

— Я хочу, пан маршал, чтобы вы себя чувствовали здесь совсем, как в сейме!

Рис. Н. Д.

ПЬЯНАЯ БОЛЬНИЦА

Взять, к примеру, хлеб. Сколь хочешь его кушай, — пьян не будешь. А наготовь с этого хлеба самогону — с ног валит. И еще опыт был: закрыли мы как-то бутылку водки в рожь, в зерно, недельки через две вынули, хлебнули—гольная вода. Выходит: хлеб обратно взял свою силу из вина. Хлеб из вина душу вынимает, вино—из человека.

Например, идем мы с кумом в обнимку по улице, пьяные, конешно.

Кум потрезвей, поддерживает меня под пазухи, говорит мне: «Не бузи, шагай вплепорцию, каждой ногой в отдельности, левой, правой».

А я иду и плачу.

Горькими заливаюсь, говорю приятелю: «Вот иду я домой, морда в крови, ноги не работают, все пропил... А дома жена, ребята... Окромя того, живых чертей стал видеть... Эх, пропал я, загиб совсем...».

А кум и говорит:

— Вот больница... Об'явись... Вылечат.

Вошли мы в больницу, нам отпор: пьяниц не лечат здесь.

— А вот примете!—заорал я.

— Нет, не примем...

— Примете!—и побежал на воздух, от ярости даже хмель во мне прошел.—Айда чрез мост!—скомандовал я куму.

И как мостом шли, я вырвался, бултых в канал, в водичку. Стал тонуть, пузыри пускать. Народ сбежался, вытащили. И поволокли меня в ту же самую больницу.

— Теперича можно?—спрашивает кум.

— Теперича вполне возможно,—ответили нам.—Утопленников ежели по инструкции—берем.

На другой день увезли меня в пьяную больницу. Лежу я середь пропоиц, воздыхаю: вот до чего, дурак, на старости лет достукался.

— Эх, Степан, Степан, — говорю себе: — с чем умирать будешь? Гляди, руки трясутся, сердце трепыхает, сам почернел весь. Жаль мне тебя, Степан...

Вот приводят меня утром в большую комнату. А в комнате вдоль стен под самый потолок скамейки, а на скамейках сидят— студенты называются. Есть и женский пол. Девченки, конешно, стриженые, которые в очках. Все одеты само бедно, как парни, так и девушки.

Велел мне господин профессор рубаху снять, стал выстукивать молоточком против сердца. А тут в трубку наставил ухо, желательно ему вызнать, сколь правильно сердце тукочет. Слушает, а сам все головой неутешительно качает. Качает и качает.

Погляжу ему в глаза—чую: плохое мое дело. Срисовал профессор на моей груди синим карандашиком в роде рукавицы, говорит:

— Вот видите, ребята, какое у него сердце. По мерке плепорции это прямо бычье сердце. Ширше не может быть, а то лопнет. Тогда человек должен лечь без покаяния в темную могилу к отцам-праотцам.

Студенты удивились: вот так это сердце! Я испугался очень, поджилки стали дрыгать.

Профессор спрашивает:

— Как звать тебя, какой профессии, сколько лет?

— Звать меня, ежели по трудкнижке, Степан Назаров, булочник, конешно. Возрасту имею пятьдесят четыре года, пью с малых лет.

Тогда профессор говорит студентам:

— Ну, ребята, слушайте, я стану лекцию рассказывать. Вот пред нашими взорами упомещается дядя Степан, конешно. Булочник. Много, ты, Степан, водки пил?

— Никак нет,—отвечаю,—пил я, товарищ гражданин профессор, очень даже мало. Мы — булочники. Ну, это верно, мы кажинный божий день пьем. Например, печку затопишь—шкалик выкушаешь. Хлебы посадишь—другой. Перед обедом—конешно, третий. Перед ужином—четвертый. Нет, я вовсе даже мало, аккуратно впотребляю. Вот ежели когда компанство, больше выпьешь, бутылку, либо две, да полдюжины, либо дюжинку пивка. Вот только в нынешнем году запой стал одолевать меня. Недели на две закрутишь, без передыху винище жрешь. Потом опять бросишь. А так я шибко мало пью, умеренно, в плепорцию.

Профессор улыбнулся этак не так чтобы уж очень и говорит студентам:

— Вот, товарищи... По мнению Степана выходит, что он вовсе даже мало пьет. Хорошо-с. С какого же года ты, Степан, так умеренно водку впотребляешь?

— А так что, пожалуй, лет 40 пью, извините за откровенность.

— Итак, Степан умеренно, в плепорцию, пьет водку 40 лет. И каждый день по четыре шкалика?

— Так точно... Кажинный божий день, окромя компанства.

— Значит, окромя компанства, Степан ежедневно выпивает... Что это за шкалик, какой величины?

Тут студенты стали высчитывать: кто—«рюмки две»—кричит, кто—«три».

Я перебил их, говорю:

— Оно правда, что поболе шкалика выпиваешь, а так, что не полный стакан за раз, маленько помене чайного стакана, так что бутылка с лишком, конешно, на день.

— Бутылка с лишком на день?—переспросил профессор.— Ну, будем, для ровности, считать, что, с компанством вместе, Степан выпивал в год 400 бутылок или 20 ведер. А за сорок лет своего умеренного пития Степан выпил, действительно, не много, всего только 800 ведер, то-есть, 20 сорокаведерных бочек. Эту массыю вина Степан перекачал через свое нутро за всю свою жизнь...

Студенты засмеялись, профессор прошелся взад-вперед, нахмурился. А я сижу ни жив, ни мертв, аж волосики на голове— один по одному—в торчок пошли...

Двадцать сорокаведерных бочек!.. Страсть подумать. Ой ты, ой!..

И подходит профессор ко мне, и кладет профессор мне руку на плечо:

— Ежели из этого вина, — говорит, — сделать бассейну агромадную, в ней мог бы плавать рыба-кит, а ты, Степан, потонул бы в этой бассейне с ручками. И чтоб отыскать твой мертвый труп, пришлось бы пригласить специального водолаза со скафандером. Так? Теперь понимаешь, Степан, в чем дело? И ежели не бросишь пить...

— Брошу, брошу!—завопил я.—Вот подохнуть, брошу...—и бултыхнулся профессору в ноги. — Полечи ты меня, товарищ профессор, милостивец...

Усадил меня профессор, пошлепал ласково этак по спине, сказал:

— Ну, ребята, постараемся же с помощью науки Степана полечить. Одевайся, Степан, все будет хорошо.

Тут слеза меня прошибла, растрогал меня профессор вот как. Говорю ему:

— Милостивец, батюшка. Одну штуку, конешно, утаил от тебя: чертей живых я видел...

— Больших?

— Нет, не великоньких: этак — как тебе сказать — вершков четырех-пяти, не боле... Стыдобушка сознаваться-то...

— Ну, а теперь беспокоят тебя черти?

— Никак нет,—отвечаю,—меня-то не беспокоят, откачнулись, слава богу. А вот вы, товарищ профессор... того... поостерегайтесь их. Эвот, эвот чертенок, конешно, у вас из кармана лезет... Киш, дьявол!!

И только я размахнулся—усердие было окаянного смазать по рогам—схватили меня два сторожа, увели на протрезвительную койку.

Чрез три недели вышел я из пьяной больницы, как стеклышко. Теперича глядеть на водку тошно. Разве-разве когда при компанстве.

Вячеслав Шишков

В ОТПУСКУ

Сидевший на жесткой лавке вагона, уносившегося на юг, молодой человек, в нательной полосатой фуфайке и потрепанном пиджачке, долго сдерживался, давился, расплывался улыбкой и, наконец, прорвавшись, захохотал, к полному недоумению пассажиров.

— Гы-ы! Ох-х! Поехали! Елки-палки! — хохотал он, прикрывая рот рукой. — В Крым поехали! Гы-ы... Миленькие!

Заметивши же, что все с ожиданием обернулись к нему, а соседка даже отодвинула от него ребенка, молодой человек с'ежился и зажал себе рот уже обеими руками. Однако, проходило некоторое время, и все вздрагивали от неожиданно вырывавшегося у него:

— Гы-ы! На мо-оре, по-ехали!

Наконец, сурового вида гражданин спросил строго:

— Чему рады-то так?

— Д-дык, что едем! Гы-ы! Рад я! Ну р-рад! Неужели вы-то не рады?! А? Друзья? Жизнь-то, жизнь-то какая! Ведь путевка... Отпуск... Ведь денег — сорок рублей... На Ай-Петри слазаю! Граждане, милые! Всех вас... н-ну, люблю! Гы-ы!

Тогда все поняли, что молодой человек счастлив, просто счастлив, и отношение к нему резко изменилось. Теперь к нему обращались не иначе, как ласково и со снисходительной улыбкой.

— Пиджак-то под голову спрячь! Эй, ты! Крымский житель! Упрут ведь! — говорили ему. — Спи уж, не веселись! Скорей в Крыму будешь!

Но такие советы были излишни. Счастливый храп скоро показал это. А утром... утром обнаружилось, что пиджак у молодого человека — таки уперли. И с ним вместе уперли билет, путевку, сорок рублей денег, экскурсию на Ай-Петри...

Молодой человек стоял у окна, полуоткрыв рот, и не произносил ни слова, пока пассажиры собирали ему денег на обратный проезд.

На станции он вышел, не поблагодарив и не попрощавшись.

И вот он сидел в вагоне, который мчался на север, и постепенно приходил в себя.

Текла обычная вагонная жизнь. Толстая гражданка, угощая чаем, гремела посудой. По ногам взад и вперед ходила девочка лет восьми. И вдруг все вздрогнули и оглянулись на молодого человека.

— Гы-ы! — прорвало его, несмотря на то, что он своевременно зажал себе рот руками. — Х-хо! В Москву-у п-поехали! Елки-палки!

Все обернулись на него, а он законфузился, но никак не мог удержаться.

— Гым! — давился он,

— Чем довольны-то? — спросила толстая гражданка неодобрительно.

— Ды-ык что — в Москву! Ну, доволен я! Х-хорошо мне! Ведь чем не жизнь?! А? В футбол буду... С Петькой — на Воробьевку... На Москва-реке... Граждане, милые!

И тогда все поняли, что молодой человек счастлив, просто счастлив и стали относиться к нему иначе.

И толстая гражданка говорила:

— Чаю-то хочешь, чтоль? Ты? Футболист?!

В. Авилов

ЛЕГКАЯ КАВАЛЕРИЯ

Рис. Л. Бродаты

— Товарищи, спешно об'явлена неделя обороны.
— А что, разве газовые атаки готовятся?
— Хуже, товарищи: на соседнем предприятии легкая кавалерия появилась!..

В ПОИСКАХ МОЛНИЕНОСИКОВА

В 2 часа 30 минут начальник торгового учреждения Молниеносиков, сказав своему секретарю: — «Если кто меня будет спрашивать, — скажи, что через час буду!» — вышел из своего кабинета. Он был в прорезиненном пальто цвета вылинявшей радуги. На голове у него была серая кепка, подмышкой—портфель.

Ровно в пять секретарь, решив, что Молниеносиков сегодня не придет, запер кабинет и пошел домой.

На следующий день ни в десять, ни в двенадцать, ни в три Молниеносиков на службу не явился. Обеспокоенный секретарь беспрерывно звонил на квартиру своего начальника, но оттуда чей-то недовольный голос, — должно быть, домашней работницы, — отвечал:

— Они нам не сказывают, куда они уходят.

К вечеру все сотрудники торгового учреждения заволновались.

Кто говорил, что видел товарища Молниеносикова на автомобиле.

— Не стащили ли его беспризорные?

— Может быть, утонул!

— Еще когда он уходил, я заметил, как у него левая бровь дергалась. Должно быть, предчувствовал.

— Чего предчувствовал? — спрашивал секретарь.

— А вы говорите, что хотите, а человек всегда предчувствует несчастье! — сказала старшая машинистка.

— Какое несчастье?! Что за предрассудки?!

Секретарь нервно курил и звонил по телефону. Он позвонил в угрозыск, в милицию и еще куда-то. Из угрозыска его попросили немедленно приехать к начальнику оперативной части. Начальник оперативной части, тов. Губкин, выслушав рассказ секретаря, записал у себя в блок-ноте приметы Молниеносикова и сказал:

— Из-под земли, а выкопаю!

И тут же шопотом прибавил:

— О моем разговоре с вами ни звука.

Когда секретарь ушел, начальник секретной части вызвал к себе в кабинет трех жуликов и сказал им категорически, положив на письменный стол свой браунинг:

— Братва, пропал товарищ Молниеносиков! Через два часа чтоб он был тут у меня в кабинете! Из-под земли, а достаньте!

— Да где-ж мы его выкопаем, товарищ Губкин? — сказали плачевным голосом жулики.

— Без всяких «где». Вы меня знаете не с сегодняшнего дня.

— Это-ж не по нашей части!— взмолился один из жуликов. — Мое дело снегу набрать, как вы сами знаете, т.-е. белье с чердака стырить, вот мое дело. А начальников в жизни не тырил. Что я сявка, что у меня котелок не варит, чтоб начальников пугать.

— Действительно, т. Губкин, зря вы на нас шлепаете. Могу сказать смело, что среди нашего общества не найдется ни одного барана, который бы интересовался начальником. Сторговать бимбар, теплуху, трясучку — это да. А за начальника царский гривенник не выручишь, сами знаете.

— Довольно! Мне надоело слушать вашу блатную музыку! — крикнул на них т. Губкин. — Рассыпьтесь по городу и нюхайте. Через каждые полчаса держите со мной связь.

Милиция была тоже поставлена на ноги.

**

Прошло три дня, но Молниеносиков не был обнаружен. В местной газете появилась заметка, в которой говорилось о том, что «щупальцы антантовских кровавых рук дотянулись до нашего города», и заканчивалась эта заметка так: «Нам нужно найти Молниеносикова!». А еще через два дня в этой же газете появилась статья под заголовком:

«Найдем Молниеносикова!».

В статье говорилось:

«Почему спит милиция? Почему спит угрозыск? Почему спит общественность?».

И началась кампания. В редакцию приходили добровольцы, брали аванс, фотографировались и клялись, что они найдут Молниеносикова. Куплетисты в кинематографах перед началом сеансов весело пели, выстукивая чечетку:

Чемберлеша раздражен,
Прет, как леший, на рожон.
Но мы Молниеносикова найдем,
Труля та-та-та!

Но время проходило, корреспонденты ежедневно телеграфировали, что в «20 градусах восточной широты дачной местности «Кукушка», в северо-западном направлении, где уж поспела рожь и поют жаворонки, Молниеносикова не обнаружено».

Еще через неделю кампания в поисках Молниеносикова стихла. Но неожиданно торговое учреждение, которое когда-то возглавлял т. Молниеносиков, поместило такое об'явление в газете:

«500 рублей тому, кто сообщит местонахождение исчезнувшего т. Молниеносикова».

И тогда вновь заволновались умы, и забегали корреспонденты.

**

А Молниеносиков, лежа на пляже в Крыму возле Алупки, спичкой царапал что-то такое на песке и говорил сам себе:

— За мной числится растрата 375 рублей. 500 минус 375, остается в кармане 125 руб., но, принимая во внимание проезд, гостиницу, то да се, — остаются пустяки. Да еще и могут посадить.

— Нет, не выгодно! — сказал он громко, крутнул головой и медленно полез в море.

Б. Левин

В ВУЗЕ

Рис. А. Радакова

— Казалось бы все хорошо: заявление подал, путевку получил, анкету заполнил и свидетельство об оспопрививании принес.

— Ну и что же? Приняли?

— Нет... К экзаменам забыл подготовиться...

В СКВЕРЕ

Рис. К. Ротова *Текст Д. Цензора*

Тощий скверик. Солнце. Небо.
Пот струится. Я стою.
Жадным глазом шарю — где бы
Тело втиснуть на скамью.

Но разбухшие, как тесто,
«Дамы» рядышком сидят.
Здесь найти труднее место,
Чем в любой по счету МХАТ.

И в подобные моменты
Часто думаю спроста:
«Не ввести-ль абонементы
И на «скверные» места?».

РЕВИЗИЯ МИФОВ

Миф о Тезее в лабиринте:

Желая выбраться из лабиринта, Тезей истратил огромный клубок ниток, привязав один конец к входной двери и, постепенно разматывая клубок, он проложил себе, таким манером, обратный путь.

Был бы Тезей таким дураком сейчас? Нет! Попав в современный лабиринт, — среднее сов'учреждение в 500 — 600 комнат,— Тезей вежливо сказал бы:

— Где здесь комната № 356-а, отдел заготовок? Я послан туда выдвиженцем...

— Ах, вы выдвиженец! Сейчас!

И повели бы хитроумного Тезея по корридорам вверх, вниз, вправо и т. д., и дошли бы, наконец, до дверей, ведущих на улицу, и сказали бы:

— Прогуляйтесь пока что месяц-другой здесь! Выдвиженцу это крайне необходимо...

А Тезей, с'экономив на этом деле не один гросс ниток № 40, помчался бы к какому-нибудь частнику и предложил бы:

— Даю нитки № 40, франко-склад, скидка против проспекта ниткотреста — 20%!!!

Миф о походе аргонавтов:

Эта массовая экспедиция всех мифических героев за золотым руном по словам очевидцев причинила участникам немало хлопот и горя. Когда они хотели есть, прилетали птицы-гарпии и сжирали все кушания. Затем сирены своим пением завлекали отважных мореплавателей, и последние, увлекшись, налетали на три подводных камня. И, наконец, адский дракон, охранявший золотое руно, убивал всякого, кто смел приблизиться к нему.

Сейчас поход аргонавтов мыслим только в такой форме:

СЧЕТ

За пропитание птиц — гарпий из расчета 3500 калорий на едока. . .	5432 р.
Оплата концертн. выступления сирен (репертуар дозволен Реперткомом)	569 р.
Дракону за сверхуроч. охрану руна до нашего приезда	122 р.
Суточные участникам—мифа . . .	2136 р.
Накладные расходы и пр.	7846 р.
Итого . . .	16.105 р.

P. S. Боясь обвинений, что у нас на родине золотые руна ничуть не хуже заморских, мы на общем собрании постановили вернуться, не приобретая указанного выше руна. Подписи

Миф о Добродетельной Пенелопе:

Когда Одиссей уехал в плаванье и исчез на такой долгий срок, что все считали его уже погибшим, и стали свататься к его жене Пенелопе, последняя принуждена была согласиться на брак. Но, желая оттянуть дело, она ночью распускала сотканную за день ткань для подвенечного платья.

Вот что было бы с Пенелопой в наши дни.

Она купила бы себе в кредит вязальную машину и стала бы вязать чулки и кофточки для Производсоюза. А о распускании ночью связанного за день, — и речи быть бы не могло! Скорей всего Пенелопа вязала бы днем сама, а ночью поставила бы на это дело ученицу и эксплоатировала бы ее до утра по всем кодексам о труде.

А мужа своего Пенелопа встретила бы в наши дни так:

— Шарлатан! Где ты шляешься? Это же надо уметь шататься столько лет по загранице и не привезти ни одного кило заграничной пряжи! У людей, так-таки, как у людей: когда одессит едет заграницу, так он думает о производстве жены, а когда идиот-Одиссей едет, — так он тратит время на возню с Циклопами и Циблохами!!! Тьфу!

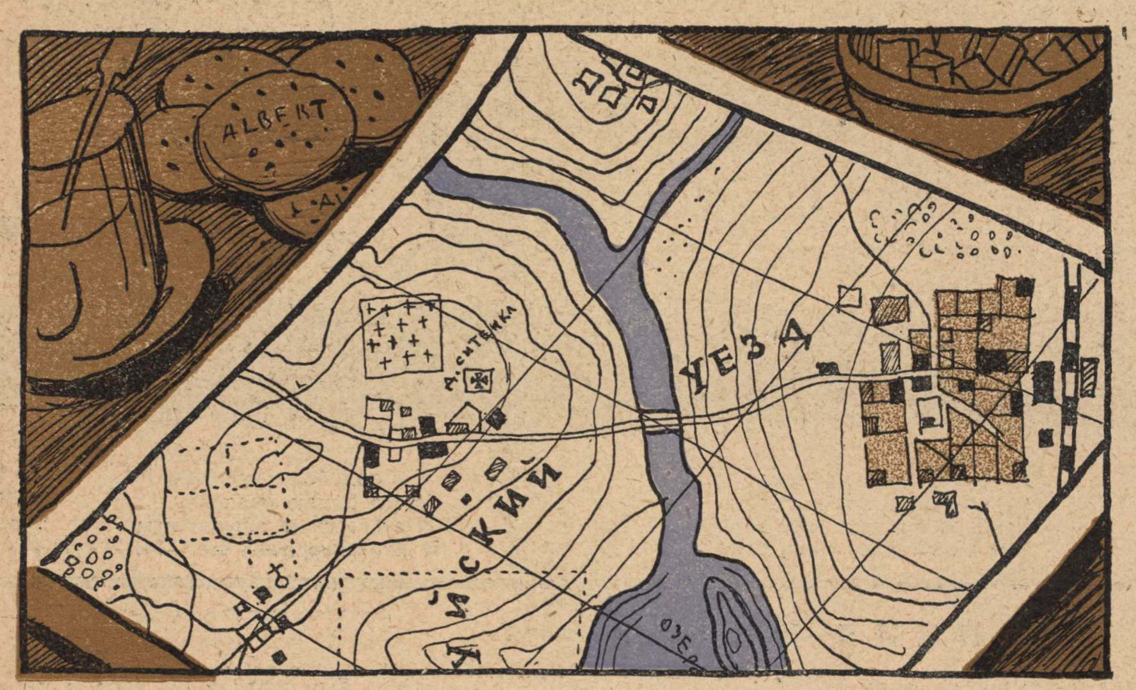
М. Коварский

ИСТОРИЯ ОДНОГО РАЗМАХА

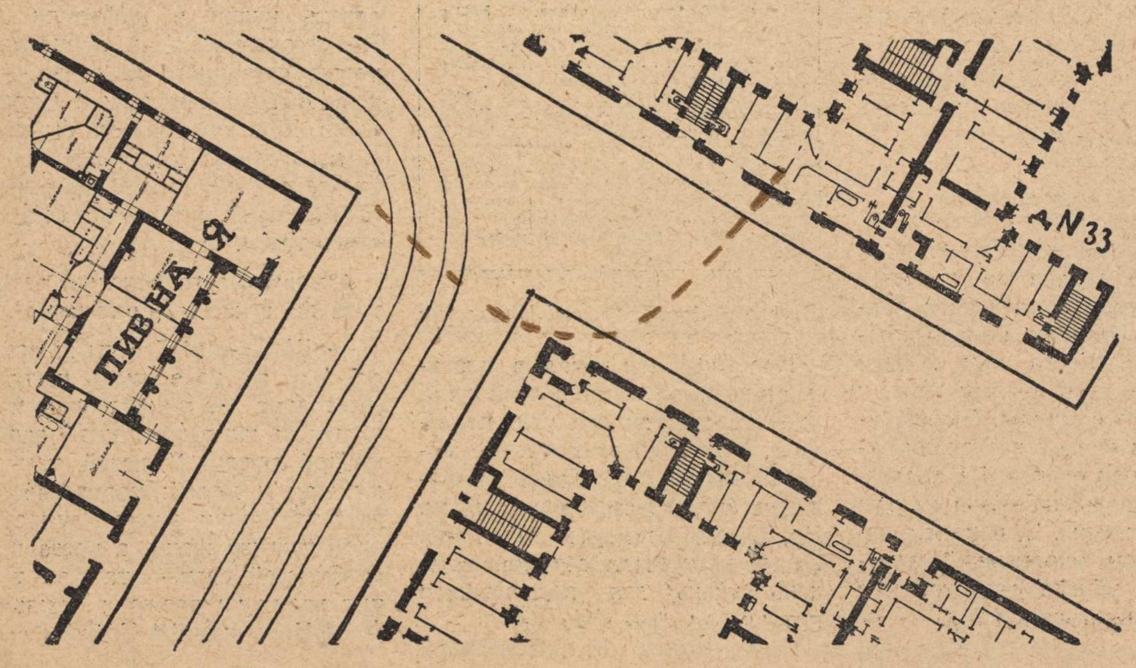
Рис. Б. Малаховского

Так он думал пропутешествовать во время отпуска.

Его мечты в июле.

Так он путешествовал, когда отпуск наступил.

НИКОТИН

Со вчерашнего дня многие почувствовали к Окуневу нестерпимую зависть. Во вчерашней газете на видном месте с подзаголовком «Вызовы» появилось сообщение:

«Следуя примеру тов. Н. И. Бухарина (см. «Огонек» и «Правду»), я окончательно и бесповоротно бросаю курить. Довольно отравлять свой организм, принадлежащий Республике советов, ядом никотина!

Иван Николаевич Окунев, делопроизводитель Кишпромторга».

От редакции: «Кто следующий?».

— Подвезло чорту! Рядом с Бухариным напечатался! Теперь на него обратят внимание!—говорили все.

Внимание, действительно, обратили. Сам начальник вызвал Окунева в кабинет и обласкал его:

— Очень рад, товарищ Окунев! Нам сознательные служащие очень и очень нужны!.. Вы по шестому разряду, оказывается, получаете? Мало, мало!..

А на завтра в газете появился портрет Окунева и интервью с ним.

«Отвыкал понемножку! — сказал нам тов. Окунев. — Сначала было трудно, а потом легче и легче. Главное, целеустремленность и упорство воли. Воля это все!»

Окунева перевели в 8 разряд, а дома жены курящих мужей попрекали его именем:

— Вон Окунев бросил курить. Сильный мужчина! А ты тряпка, тряпка и тряпка!.. Пять рублей в месяц прокуриваешь,—в год, значит, пятьдесят, а в сто лет...

И, не докончив, бросала на пол пепельницы.

— Зачем я только за тебя замуж вышла-а!..

В субботу секретарь Сумкин не выдержал и пригласил Окунева в пивную.

— Выпьем!—сказал он.—Надеюсь, пить то вы не зарекались?

— Выпить, отчего не выпить?—согласился Окунев.

После полдюжины раскрасневшийся секретарь спросил:

— Скажи по совести, Иван Николаевич, как это вы бросили курить?.. Вот я все хочу и не могу бросить. Завидую вам даже. Да и товарищ Строгов что-то на меня косо смотрит... Скажите ваш секрет отвычки...

— Да я и не бросал курить...—сознался Окунев.

— Не бросал? Курите по старому?!

— Ну, что вы! Не бросал, потому что и не курил вообще... Две войны провел, а курить не научился. Помню, как солдаты без курева мучились, и листья сухие курили, и корешками какими-то затягивались, а мне хоть бы что!.. И в семье у нас никто не курил—ни отец, ни братья!..

Секретарь осовело смотрел на Окунева, между пальцев у него тлела, покрываясь пеплом, папироска.

Вл. Тоболяков.

НЕДОРАЗУМЕНИЕ.

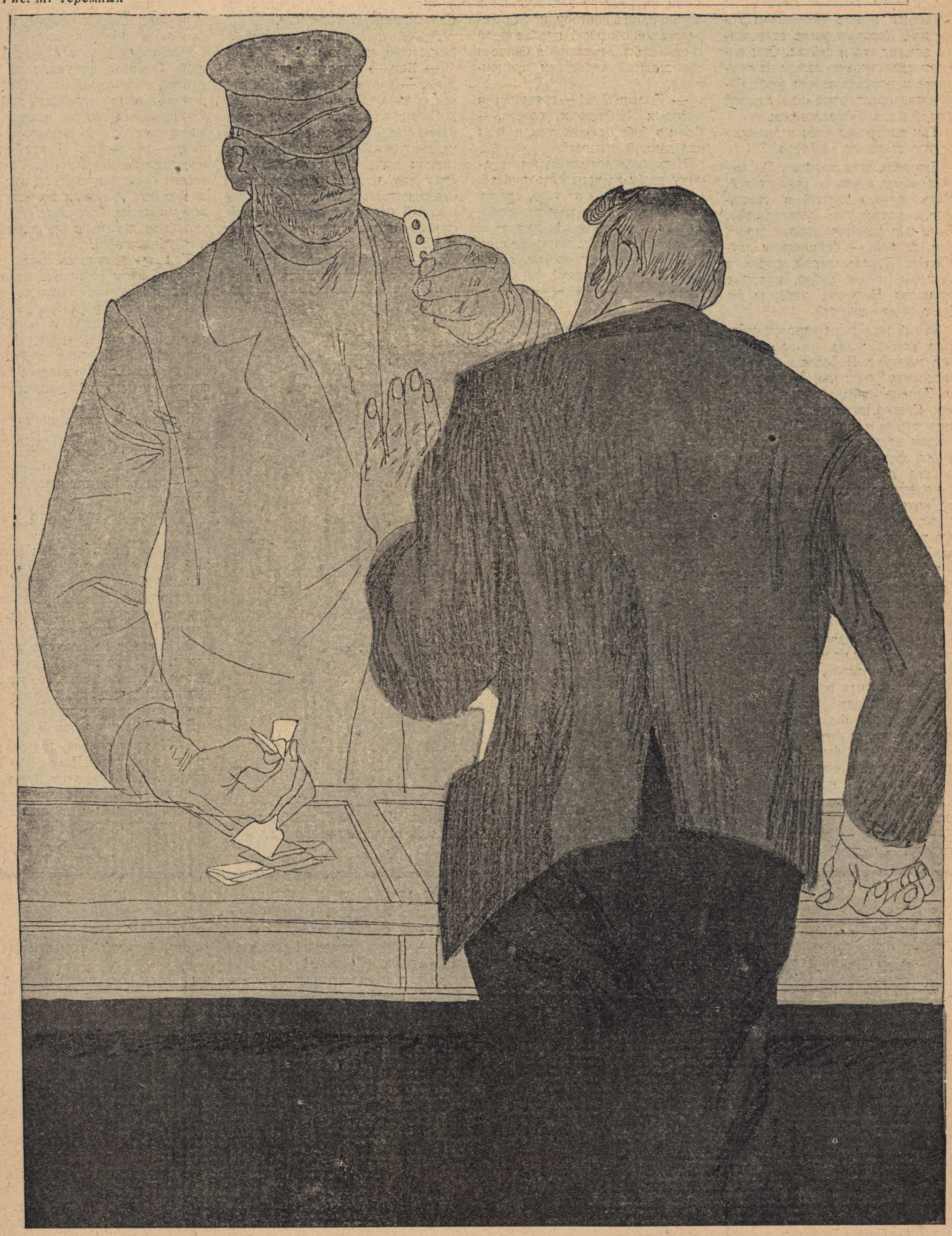
— Ты видала, как он на меня покосился?
— Какой? Который справа?
— Нет, слева.
— Ах, вот этот черненький?
— Да нет, светлый.
— Ну, который поменьше ростом?
— Нет, высокий, двухэтажный... кооперативный.
— Пройтить бы скорей...

М. К.

НИКАКОЙ ОПАСНОСТИ...

Выпущенные в продажу безопасные бритвы кустарного производства отличаются плохим качеством.

Рис. М. Черемных

— А эта бритва — безопасная?
Для бороды вполне. Не беспокойтесь, ни один волос не падет из вашей бороды!

СТАРИННАЯ ИСТОРИЯ

Это было в годы нарождающегося капитализма.

Старичек Нефедов торговал на Толкучем рынке скобяными товарами. Садовнические старожилы помнят его и сейчас. Они помнят керосиновую лампу на прилавке и полуистлевшие руки Нефедова, простертые над лампой как бы для благословения.

Так отогревал себя в зимнюю стужу старичек Нефедов.

Его дела шли хорошо. Он выторговывал в день до двух рублей. Мать отдала детей в гимназию, потом в университет. Один сын стал присяжным стряпчим, другой — банковским служащим. Доходы росли, росли и расходы, и два рубля, которые приносил Нефедов, уходили на булавки для дочерей.

Это было в годы нарождающегося капитализма, и за десять лет молодые Нефедовы скопили несколько тысченок и открыли на Зацепе мануфактурный магазин. Сестра получила в приданое пять тысяч и дом на Щипке. Но старик не замечал этого, старик верил, что все это приобретено на его скобяные двухрублевки. Он презирал и магазин, и контору, которую устроили потом сыновья, и считал, что настоящее это только его лоток в Садовниках.

Дома был уже телефон и электричество, а он продолжал греть свои изогнутые, как рожки, пальцы на керосиновой лампе.

Он не мог вылезть из своих масштабов, как не мог вылезть из своей старческой кожи. Еслиб ему сказали, что новый зеркальный шкаф стоит двести рублей, он не поверил бы. Если бы ему сказали, что он стоит пятьдесят, с ним случился бы удар. И сыновья говорили ему, показывая на двухсотенный шкаф:

— Двадцать целковых стоит, папаша.

— Разврат, — качал головой старик, — чистый разврат. Вот брошу свой лоток и подохнете с голоду!

Он ни разу не заглянул ни в магазин, ни в контору, не заинтересовался обильной прибавочной стоимостью, лежавшей в банке и обраставшей хорошими процентами.

— Кровопийцы! — говорили о молодых Нефедовых соседи. — Сами в бобры разоделись, а отец над лампой мерзнет!

И сыновья решили купить старику шубу за четыреста рублей. Ее долго прятали от него, сперва намекали, что где-то есть шуба, что надо ее, пожалуй, купить и через две недели ее показали ему.

— Носите на здоровье, папаша! Сто рублей стоит!

Старик раскричался и слег в постель. Но утром он, все же, встал, сердитый и хмурый, и, спрятав свое высыхающее тельце в громоздкую шубу, пошел на Садовническую толкучку.

Домой он пришел веселый и радостный, но без шубы.

— Вот, — крикнул он сыновьям, — учитесь, огольцы! За две сотни татарину продал!

Сыновья переглянулись и стали похваливать отца за его большой коммерческий талант. Но когда старик продал сторублевую люстру (ему сказали, что она стоит пятнадцать) за тридцать рублей и синий белуджистанский ковер, стоивший триста рублей, (ему сказали: семьдесят) за восемьдесят, — сыновья созвали семейный совет и решили взять на жалованье двух скупщиков-татар. Те фиктивно покупали и сейчасже возвращали вещи обратно в дом.

Счастливый и гордый своими успехами, старик забросил свои скобяные товары и занялся только перепродажей и скупкой вещей. Сыновья покупали за сто рублей письменный стол. Ему называли цену в пятнадцать рублей. Он продавал его за двадцать и снова покупал у второго татарина — за десять. Потом снова продавал за пятнадцать. Татары весело бездельничали, за эту комедию они получали по четвертному в месяц. Они даже спились, что было противно их религиозным убеждениям.

Так продолжалось пять лет, пока об этом не пронюхал один известный жулик Ламанов. Дело в том, что официальным владельцем дома, конторы и магазина являлся старик Нефедов. И вот, этот самый Ламанов поймал в чайной старика и условился с ним скупить у него все имущество за бесценок.

Счастливый, как никогда, старик Нефедов пришел домой и рассказал обо всем сыновьям.

— Всех озолочу, — кричал он, — за три тысячи продал. За три тысячи!

Имущество стоило сто тысяч рублей.

Сыновья снова созвали семейный совет и решили об'явить старика невменяемым. Но когда это не удалось (а Ламанов уже успел подкупить полицмейстера и нотариуса), рассказали все старику.

Он сначала не поверил, потом понял. И когда понял, каким дураком был всю жизнь, то не выдержал и дал маху. Сердце его напряглось и разорвалось.

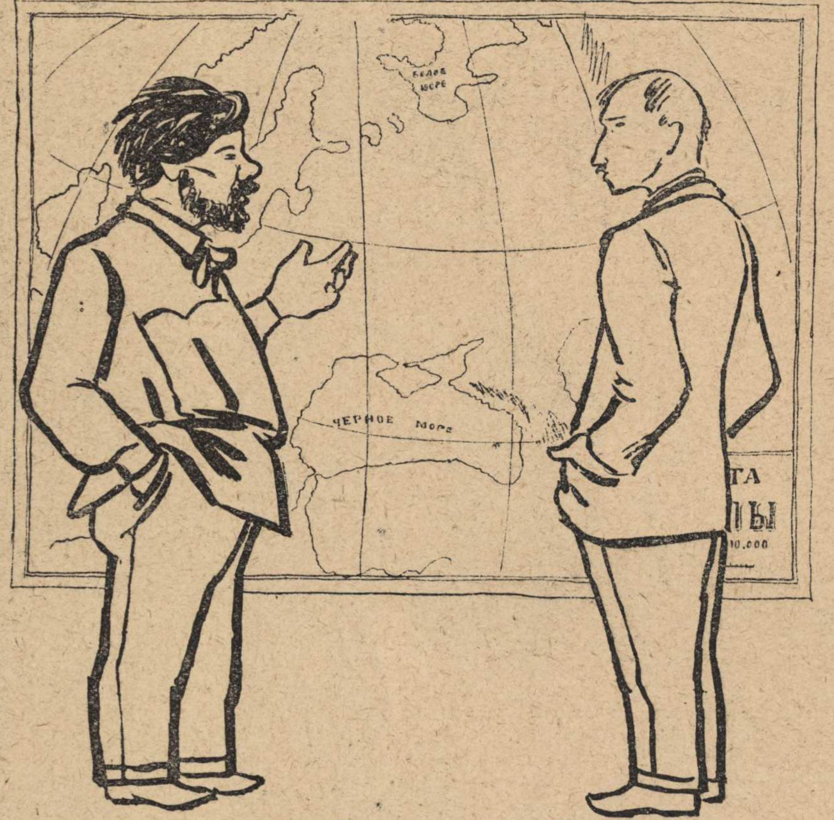
Последние его слова были:

— Хороните меня, сукины дети, с почестью. Памятник поставьте. А татарам не будет от меня житья. С того света являться стану. Душить буду их по ночам, окаянных!..

С. Гехт

У КАРТЫ

Рис: Н. Денисовского

— Некуда поехать: Белое море да Черное. Хоть бы на Красное море пустили идеологически выдержанного человека!...

ПЕРЕВОЗЧИК

Ночь. Река. На одном берегу — телега, лошадь и люди. На другом берегу — паром, перевозчик и горит костер. Холодно.

— Паро-ом! Давай сюда паро-ом!

— ??

— Оглох ты там, что ли?! Говорят тебе, давай паро-ом!

— А кто такие едут?

— Из базара крестьяне... Давай паро-ом!

— Зачем вам паром?

— Дура-ак!

И тысячу крепких отборных ругательств летят по адресу перевозчика.

— Так вы еще ругаться! Не будет вам за это парома!

— Дурной ты, кто тебя ругает? Два часа кричим. Милый, товарищ перевозчик, подай скорей паромчик!

— Вот так бы давно! — отвечает им перевозчик спокойно.

Несколько минут тихо. И, наконец, когда люди убеждаются, что паром не сдвинулся с места, они вновь кричат:

— Паро-ом! Давай сюда паром!

— Чего орешь?

— Паром, говорят тебе, давай! Жаловаться будем!

— А вы жалуйтесь.

— Паром, который раз тебе кричим, будь ты проклят! Давай паром!... Паро-ом!

Светает. Некоторые крестьяне забрались под телегу и спят. Лошадь щиплет траву.

Совершенно охрипшим голосом один из крестьян, задирая голову кверху, безнадежно кричит:

— Паро-ом! Паро-ом!

Видать, как перевозчик укладывается спать.

— Паро-ом!

— Эй, хватит там орать! Спать пора! Парома с места нельзя сдвинуть, канат сгнил. Завтра доставят другой, тогда перевезу. Больше не ори, а то спать мешаешь.

— Чего же ты, сукин кот, сразу не сказал, а заставлял людей мучиться, надрываться?

— А мне што? Мне одному тут дежурить скучно, при разговоре, все-таки, веселей.

Тысячи отборных и крепких ругательств летят из охрипшей глотки по адресу перевозчика. Но перевозчику плевать. Он спит.

А. Зотов

МОДНАЯ КНИГА

Шутки шутками, но общественная жилка мало-помалу проникла в нашу плоть и кровь. Мы стали общественниками.

Позавчера я видел самую настоящую, толстую, с карандашом на веревочке, «жалобную книгу». —в гостях.

На стене в прихожей висел огромный плакат:

— Дорогие гости! В борьбе за новый быт! Требуйте жалобную книгу у хозяйки!

Сначала гости пугались.

Им неловко было подходить к хозяйке («кассирша»), у которой хранилась эта новомодная жалобная книга, и вносить туда свои записи. Даже наиболее отчаянные, уже решившись, подходили к хозяйке, но вдруг, об'ятые привычной вежливостью, начинали пороть разную ерунду о вкусном пироге, изумительной печенке и т. д.

Дело зато резко повернулось, когда выпили.

Первым подошел к книге молодой человек Сергей Тупичков.

Немного подумал и, решительно крякнув, написал:

— Бычки в томате — собачья дрянь! Егор Зубин.

— При сем прилагаю 1 (один) волос из халвы! М. З.

Вино делало свое дело. Гости беспрерывно требовали книгу. Совершенно взмокший хозяин тут же против жалоб стал писать ответы.

— Паршивая семга!

— А ты не жри столько!

Кто-то солидно написал:

— Прошу не ругаться! Книга абсолютно для выяснения взаимных ненормальностей.

Но эта единственная трезвая реплика сразу же потонула в море пьяненьких выкриков:

— Если Васюков еще раз закомплиментит моей жене, вдарю в морду, как в барабан!

— Правильно, Вася! Эх раз, еще раз!

Врезывались и осторожные фразочки:

— Егор! Я в прихожей! Караулю шубы! Миша.

И, наконец, совсем просто:

— Хозяева — сволочь! Ура!!

Какой-то пьяненький вынул из кармана гнилую сардинку и осторожно вложил ее в книгу жалоб.

— К... как вещ...ществен...ное д...док...казательство!

Бросив танцы и даже жратву, гости радостно сгрудились около книги. Испуганный хозяин спешно снимал плакат со стены.

А ведь насчет книги, по совести сказать, граждане, я придумал. Предвосхитил, так сказать, события.

Нету на самом деле у нас такой жалобной книжки. И не предвидится...

А жаль... *Ал. Нератов*

ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ

Предположено, по образцу Европы, ввести рекламу на облаках.

Рис. Н. Д.

Облако в штанах (1918 год).

Штаны в облаках (1928 год).

РАЗГОВОР ИЗДАТЕЛЯ С ПОЭТОМ

(По А. Пушкину)

ПОЭТ (восторженно):

Стишки писать — одна забава!
Мне стоит чуточку присесть,
И сразу прок: вот — строк не счесть,
Там, смотришь, гонорар и слава...
Хочу поэмку вам прочесть,
Довольно недурная, право...

ИЗДАТЕЛЬ (в сторону):

Ах, сколько их! Куда их гонят?
И все так жалобно поют...
И каждый плачет, что — «не понят»,
В гроб скоро вгонят,
Похоронят!
На час покоя не дают!

ПОЭТ:

О чем вздохнули так глубоко?

ИЗДАТЕЛЬ:

Я был далеко,
И время то я вспоминал,
Когда поэзии не знал...
Когда... певцы не докучали...

ПОЭТ:

Вот посвящение вначале...

ИЗДАТЕЛЬ:

Нет, нет, прошу, чтоб замолчали...
И вот мой жизненный совет:
Внемлите истине полезной,
Век индустрии, век железный
Вам за сонет
Не даст монет!

ПОЭТ:

Ужели всю поэму в брак?
Там: зори,
Море
И пастушки.

ИЗДАТЕЛЬ:

Пастушку можете в «Батрак»,
Авось, дадут вам на галушки.
В «На вахту» кое-что с водой,
В «Горняк», чтоб стиль звенел рудой,
В «Печатник», ясно, о печати!
Из всех лирических зачатий
Устройте денежный удой.

ПОЭТ:

Ну, что-ж, совет ваш не худой,
Спешу халтурить, — до свиданья.
Дано мне высшее заданье
Журналы наполнять... водой!..

Мих. Андреев

Рис. К. Р.

ЕЕ ГОРЕ

— Совсем мой хозяин одурел от этой самокритики: даже меня против шерсти гладить стал!

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Образец современной рецензии.

Рецензия эта помещена в одном из последних номеров газеты «Вечерний Киев»:

Выпустить быт из пьесы Островского — это то же, что выпустить воздух из оболочки дирижабля. Оболочку надо чем-нибудь заполнить — иначе дирижабль будет волочиться по земле. Вот этого воздуха для заполнения образовавшейся в пьесе пустоты кое-где не хватает у Таирова. Мейерхольд поступил иначе: у него моторы работают на чистейшем бензине режиссерской фантазии.

Но можно было бы эту современную рецензию сделать архисовременной, применив, вместо аэродеталей, деталей... арктического свойства:

«Артистка Коонен двигалась по сцене, как «Браганца», которая получила приказ двигаться на мыс Ли-Смит...

«В пьесе не чувствуется быта. Он где-то затерялся, как затерялась группа Вильери.

«Особенно хороши паузы Коонен, во время которых зрителям чудится, будто замолкли все коротковолновые станции, находящиеся в арктическом районе...»

★

В. Маяковский пишет в «Комсомольской Правде» (№ 158):

Раз!
два!
раз!
два!
Вверх
го-
ло-
ва!

«На что «Смехач» спешит ответить:

Это
не-
пра-
виль-
но!
Надо
пи-
сать:
Вверх
го-
ло-
ву!

★

Журнал «Еж» (№ 5) ставит вопрос ребром:

— Куда выливали помои?

Лет триста — четыреста тому назад никакой канализации не было. Помои выливали прямо на улицу из окон.

Мы знаем случай, когда помои выливали прямо на улицу из окон в 1928 году (смотри «Смехач», № 29, фельетон А Зорича «Мясорубка»).

Таким образом, редакция «Ежа» ошиблась всего на 400 лет!..

★

Орловским отделением Госиздата выпущено руководство к составлению репертуара в театральных организациях.

В этом руководстве, автор его, Н. П. Царев-Лунин, утверждает:

Островским написан веселый скэтч—«Бедный Федя», им же—некое странное произведение под названием «Жорж Лондон», им же — «Хозяйка гостиницы»...

Ни «Бедный Федя», ни «Жорж Лондон», ни «Хозяйка гостиницы» Островским не написаны.

Островский написал пьесу «Не в свои сани не садись».

Это название Н. П. Царев-Лунин должен зарубить у себя на носу!..

„У ГРОБОВОГО ВХОДА...“

Рис. А. Радакова

В склепах Смоленского кладбища в Ленинграде обнаружены притоны разврата.

— Скажите, а где же покойник?
— А чорт его знает... Кажется, его за пивом послали...

РАБКОРЫ! СМЕХКОРЫ!

КАЖДАЯ СТРАНИЦА «СМЕХАЧА» — ТРИБУНА ДЛЯ САМОКРИТИКИ.

ЧИТАТЕЛИ, РАБКОРЫ, СМЕХКОРЫ! ВЫ ХОЗЯЕВА ЭТОЙ ТРИБУНЫ!

ВСЕ ДОКУМЕНТЫ, ФАКТЫ, РАЗОБЛАЧЕНИЯ НАПРАВЛЯЙТЕ НЕПОСРЕДСТВЕННО В РЕДАКЦИЮ «СМЕХАЧА», МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, 28, С УКАЗАНИЕМ НА КОНВЕРТЕ: «ОТДЕЛ ТРИБУНА».

ВСЯКАЯ БУЗА

Наука гинекологии обогатилась совсем недавно ценнейшим открытием.

Стоило только Муссолини призвать любезных его сердцу фашистов плодиться и размножаться, как в итальянской газете «Мессаджеро» появился следующий отклик одного из наиболее ревностных поклонников дуче — Муссолини:

«Тороплюсь сообщить, что в субботу 28 апреля с. г. жена моя подарила жизнь трем девочкам. Рождение тройни — до сих пор бывшее явлением крайне редким — В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРИЗЫВОВ НАШЕГО ДУЧЕ БЕССПОРНО СТАНЕТ ЯВЛЕНИЕМ ЗАУРЯДНЫМ. После 8-кратных родов по одному ребенку, ребята у меня являются уже сразу втроем, что заслуживает величайшего внимания и восхищения, так как об'яснимо исключительно тем, что я фашист не только духом, но и кровью своей. Роды были трудными и крайне болезненными. Но прошли отлично... Да здравствует дуче!»

По этой системе, если когда-нибудь Муссолини призовет население к заботе о коневодстве — у всех фашистов моментально вырастут хвосты.

**

Конечно, всякое знание — полезно. Историческое — особенно.

Но какие именно горизонты в жизни советского читателя раскроет точное знание таких событий, о которых упоминает викторина ленинградской «Бытовой газеты»:

2. В каком году начал издаваться журнал «Нива»?

Следуя дальше по этому пути, не трудно будет составить и ряд других подходящих вопросов:

1. В каком году Иван Семенович приехал в Тамбов?

2. В каком городе впервые был сломан телеграфный столб?

3. Кто первый завернул в «Новое Время» желтые ботинки?

**

Во многих ленинградских клубах культурная просветительная работа совершенно не ведется. Например, в Доме печати функционирует лишь биллиардная, закрыта даже библиотека.

Гонять шары — занятие очень почтенное, но гонять тех, кто думает, что это — культработа, — занятие еще более почтенное. И, главным образом, вполне соответствует эпохе.

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

ОТКРОВЕННО ГОВОРЯ...

В свое время «Смехач» пророчески предсказывал, что отдельные бюрократы попытаются и такое важное мероприятие, как самокритика, превратить, в отдельных случаях, в бюрократические гримасы.

Хитрый канцелярист из Севводпути глушит самокритику... анкетой «о недостатках начальника», предлагая анкету заполнять «откровенно и четко—коротко»:

> *Заполняется каждым сотрудником, рабочим и администрацией. Работники Управления сдают начальнику отдела, а последний счетом начальнику общ. отдела.*
>
> *АНКЕТА.*
>
> *(Заполняется откровенно и четко—коротко).*
>
> *6. Не чувствуется ли зажима со стороны администрации и если есть, то от кого персонально?*
>
> *7. Отвечают ли ответственные администраторы своему назначению и если нет, то кто персонально?*
>
> *9. Какие достоинства и недостатки начальника управ. и его помощника?*

По поводу этого ловкого бюрократического приема заявляем откровенно, четко и коротко:

О достоинствах не может быть и речи.

ТОЧНЫЙ АДРЕС

Горбачево-Михайловским сельсоветом (Харьковского округа) выдан следующий мандат:

«Горбачево-Михайловский сельсовет удостоверяет, что бывший помещик Горбачев Василий Евгеньевич проживает в настоящее время в собственном доме, имеет разные пристройки и фруктовый сад с площадью около полторы десятины».

Здравия желаем, Ваше Сиясссь! Не откажите благосклонно уведомить: а не думает ли Горбачево-Михайловский сельсовет, вообще, отложиться от Советского Союза и вступить в Большую или Малую Антанту?

УСПОКОЕНИЕ

Рис. А. Радакова

— Безобразие! Этот человек взял воду из грязной лужи!

— Не извольте беспокоиться: кисточка вполне продезинфекцирована!

КУРИЦА—ПТИЦА и ЖЕНЩИНА—ЧЕЛОВЕК

Газета «Амурская Правда», рассказывая о недовольстве рабочими деятельностью нового начальника управления работами по постройке Амуро-Иркутской магистрали, — приводит следующую резолюцию начальника на прошении сотрудницы П.:

«Уволить от службы—женщина ремонтером служить не может».

Приводя эту начальническую надпись, «Амурская Правда» восклицает:

«Резолюция начальника, достойна быть помещена в «Смехаче».

Резолюция «Смехача»:

«Правильно. Напечатать».

ПОСЛУШНЫЕ РЕБЯТА

Не успели еще прозвучать слова «Не опошляйте самокритики», как ребята из газеты «Крестьянское Слово» стали крыть по самым злободневным мишеням, вскрывая вопиющие оплошности и важнейшие промахи. Вот, например, смелая заметка из «Крестьянского Слова»:

Гражданин Аникеев из с. Ивины, Вознесенского района, на свадьбу истратил около 150 рублей. Сейчас жена развелась.

«Смехач» обещает вернуть, во что бы то ни стало, затраченные гр. Аникиевым червонцы, а насчет разведенной жены — может сказать лишь одно:

— Жена р а з в е л а с ь — это пустяк! А вот чепуха в газете р а з в е л а с ь — это хуже!

УМСТВЕННЫЙ НАРОД

Пермяки хочут ученость показать и поэтому устраивают при пермской бирже труда умственную секцию, куда поступает спрос на следующую умственную силу:

На 25 июня требуются:

По умственной секции: машинисток-делопроизводит. — 1, машинистка 1 разр. — 1, продавец готового платья — 1, статистик — 1, продавец-посудник — 1, акушерок в от'езд — 3, служителей — 2.

При такой классификации нас интересует следующее:

— Через какую секцию попал на службу заведующий пермской биржей труда?

Наверно, не через у м с т в е н н у ю, а через п р о т и в о п о л о ж н у ю ей!

Издание газеты «ГУДОК». Адрес редакции: Москва, Тверская, 28 Отв. редактор—А. Богдасаров.

Главлит № А17760. Отп. в тип. «Гудок». Москва, ул. Станкевича, 7. Тираж 100.000.

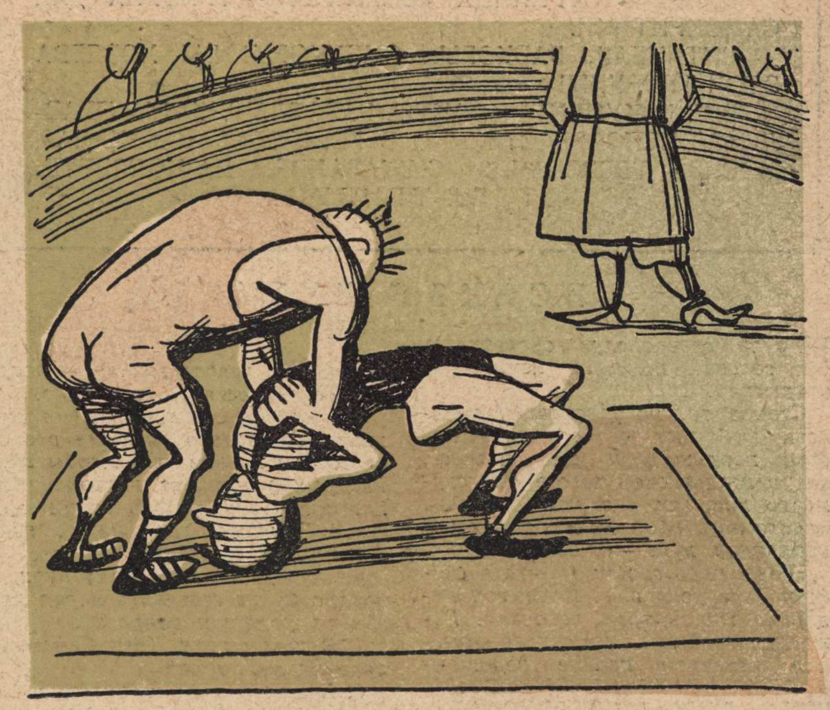
СПАРТАКИАДА

(Телеграммы собственного корреспондента заграничных газет)

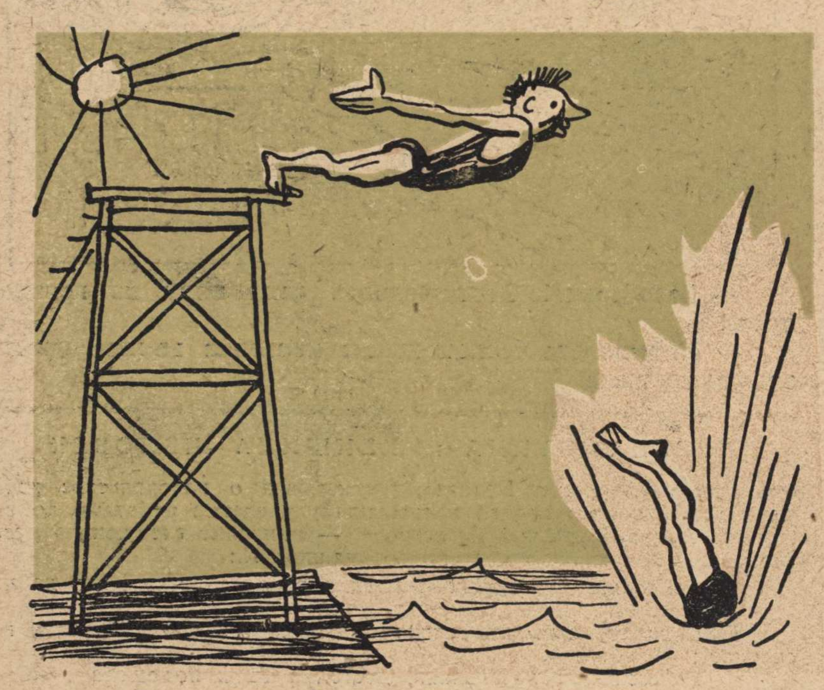
Рис. Б. Малаховского

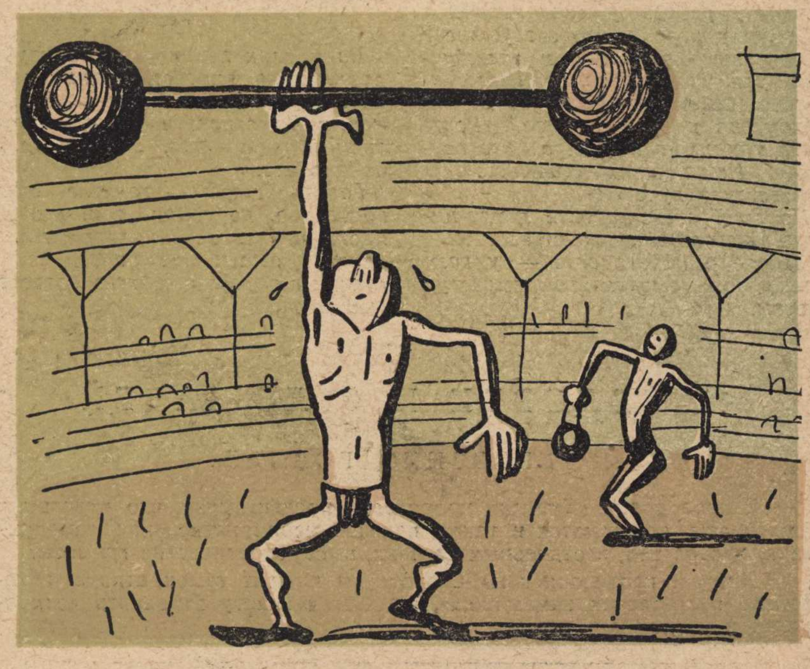
1. «Рабочие бегут, сломя голову...».

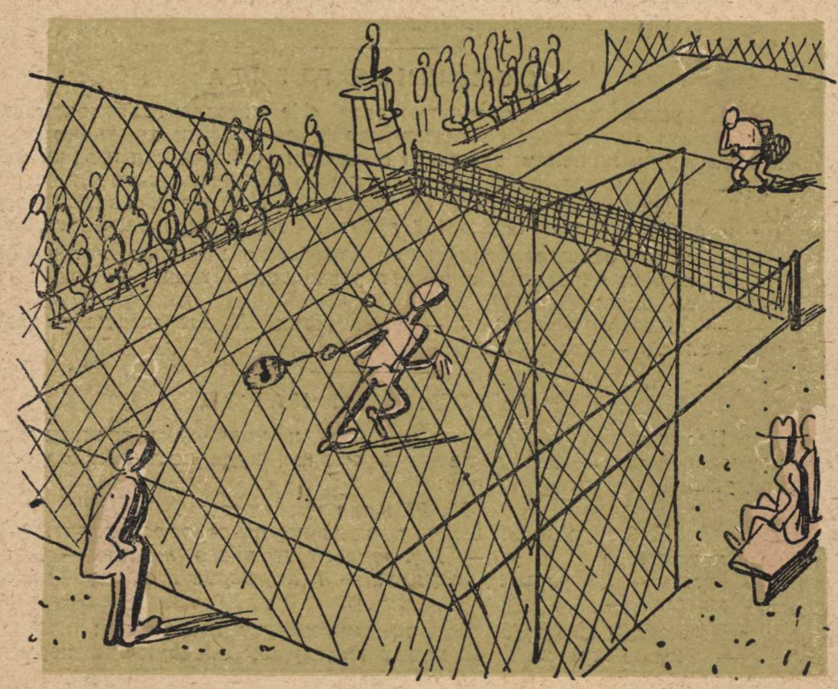
2. «Находятся в борьбе друг с другом...».

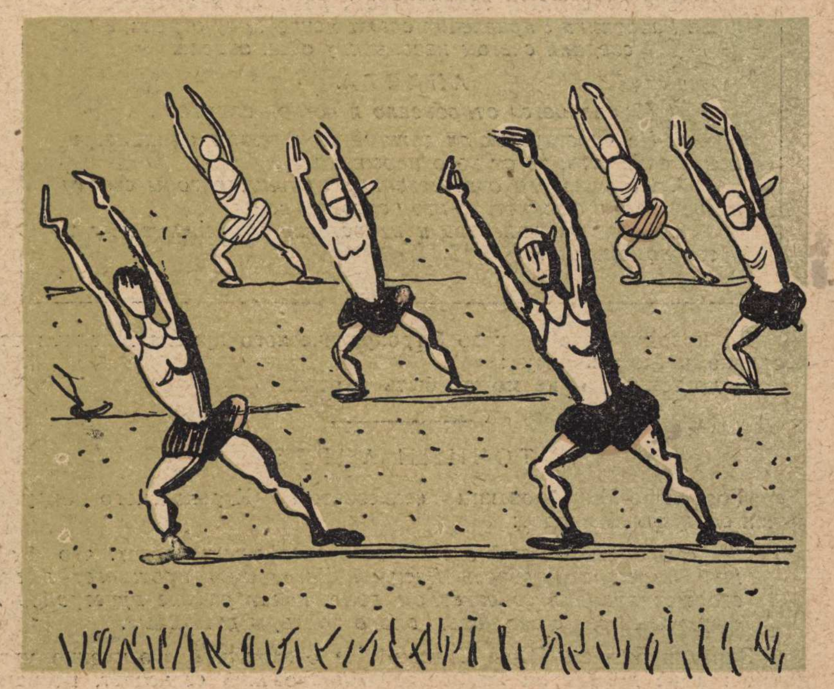
3. «С отчаяния, бросаются в воду...».

4. «Страдают под непосильными тяжестями...».

5. «Не могут вырваться из сети...».

6. «Среди рабочих заметно всеобщее движение...».